

интеллектуальный бестселлер

*Посвящается
моей Матери,
Эльвире Авад Рамос*

Джейн

В отделении экстренной помощи творится кошмар. Там слишком много людей и неутихающий гул голосов слишком громок. Джейн потеет — на улице жарко, а путь от метро был долгим. Она стоит у входа, оглушенная шумом, ослепленная светом ламп и мельтешением людей. Ее рука инстинктивно поднимается, чтобы обнять Амалию, которая все еще дремлет у нее на груди.

Ата где-то здесь. Джейн отваживается пройти в холл, предназначенный для ожидания. Она видит женщину, фигурой похожую на ее двоюродную сестру. Женщина одета в белый халат — на Ате тоже должен быть такой, — но она явно американка и моложе. Джейн окидывает взглядом сидящих людей и начинает искать Ату, осматривая ряд за рядом, стараясь побороть все возрастающее чувство тревоги. Ата всегда говорит, что Джейн волнуется слишком много и начинает делать это слишком рано, еще до того, как поймет: что-то пошло не так. Ее сестра крепкий орешек. С ней не смог справиться даже желудочный вирус, который летом распространился по всему общежитию. Именно она взяла на себя хлопоты по уходу за соседками — приносила им в постель имбирный чай и стирала запачканную одежду, хотя многие из них были вдвое младше ее.

6 *Джоан Рамос*

Джейн видит женский затылок: темные волосы с серебристыми нитями. Джейн проталкивается к ней, полная надежды, но не вполне уверенная. У женщины голова повернута так, будто она спит, тогда как Ата никогда не стала бы спать здесь, под столь яркими лампами и среди незнакомых людей.

Джейн права. Это не Ата, а какая-то другая женщина, похожая на мексиканку. Она невысокая, как сестра Джейн, и спит, приоткрыв рот и расставив колени. Джейн едва ли не слышит, как Ата с неодобрением ворчит: «Устроилась, как у себя дома».

— Я ищу Эвелин Арройо. Я ее двоюродная сестра, — говорит Джейн женщине усталого вида за регистрационной стойкой.

Та отрывается от своего компьютера и бросает нетерпеливый взгляд, который становится более мягким и человечным, когда она видит Амалию в детском «кенгуру» на груди у Джейн.

— Сколько ей?

— Четыре недели, — отвечает Джейн, и ее сердце наполняется гордостью.

— Хорошенькая, — успевает произнести женщина, прежде чем мужчина с сияющей лысиной протискивается между Джейн и стойкой и начинает орать, что его жена ждет уже несколько часов и ему хотелось бы знать, что за чертовщина здесь происходит.

Женщина за стойкой советует Джейн обратиться в приемное отделение. Джейн не знает, где оно расположено, однако стесняется спросить: внимание дежурной всецело занято лысым мужчиной. Джейн идет по коридору, вдоль которого стоят койки. Она окидывает взглядом каждую, высматривая Ату и смущаясь, когда бодрствующие смотрят ей прямо в глаза. Один

старик заговаривает с ней по-испански, словно прося помочь, и Джейн, перед тем как торопливо пойти дальше, извиняющимся голосом говорит, что она не медсестра.

Она находит сестру в конце коридора. Ата лежит под простыней, и ее лицо, утопающее в мягкой подушке, кажется измученным и суровым. Джейн вдруг осознает, что никогда прежде не видела сестру спящей, хотя занимает койку прямо над ней — сестра всегда сутится. А если ее не видно, значит, она ушла на работу. Ее неподвижность пугает Джейн.

Ата потеряла сознание, когда сидела с ребенком в доме на Пятой авеню, где работает няней в семье Картеров. Дина, экономка Картеров, сообщила об этом Джейн, когда наконец до нее дозвонилась. Джейн не удивилась: сестра уже несколько месяцев страдала от приступов головокружения. Ата списывала их на таблетки от давления, но не находила времени сходить к врачу из-за плотного графика.

— Ата пыталась заставить Генри Картера срыгнуть, — сказала Дина с осуждающей ноткой в голосе, как будто вина лежала на ребенке.

Это тоже не слишком удивило Джейн. Ата жаловалась, что Генри никак не хочет срыгивать в обычных положениях. Например, когда сидит на коленях няни с зажатой между ее пальцами шеей, склонившись над тонкими, как спички, ногами, пока она придерживает его за шею или висит перекинутым через ее плечо, как мешок риса. Он срыгивал, только когда Ата ходила с ним, то и дело покачивая, и гладила по спине ладонью. Но даже когда она прибегала к подобным ухищрениям, могло пройти десять или двадцать минут, прежде чем ей удавалось добиться желаемого результата.

— Ты должна время от времени укладывать его, чтобы отдохнуть, — убеждала Джейн сестру, когда они разговаривали два дня назад, во время того, как Ата поглощала в своей комнате наскоро приготовленный ужин.

— Да, но его мучают газы, и он спит очень мало, а я пытаюсь установить для него режим сна.

Дина рассказала Джейн, что перед тем, как упасть в обморок, Ата успела надежно уложить Генри на диван. Мать ушла в фитнес-центр, хотя у нее еще не закрылось кровотечение, а Генри исполнилось всего три недели. Так что именно Дина позвонила в службу экстренной помощи и держала младенца на руках, когда бригада завозила каталку с Атой в грузовой лифт. Именно Дина покопалась в телефоне Аты, ища, с кем бы связаться, и нашла номер Джейн. Воспользовавшись голосовой почтой, она отправила сообщение, что Ату увезли в больницу и она там одна.

— Теперь ты не одна, — говорит Джейн сестре, чувствуя себя виноватой, что прошло несколько часов, прежде чем она обратила внимание на сообщение в своем телефоне и перезвонила Дине.

Но Амалия не спала большую часть предыдущей ночи, и, когда к утру заснула после кормления, Джейн тоже позволила себе отдохнуть. Все остальные ушли на работу, так что в комнате остались только они. Джейн спокойно спала, положив Амалию на грудь, и лучи солнца свободно проникали внутрь через грязные стекла.

Джейн гладит Ату по голове, глядя на глубокие морщины вокруг ее рта и маленьких запавших глаз. Сестра выглядит постаревшей. Джейн хотелось бы знать, осматривал ли Ату врач, но она не уверена,

у кого можно об этом спросить. Она смотрит, как по коридору шагают мужчины и женщины в цветных халатах, и ждет, когда приблизится кто-то, к кому она сможет обратиться, кто-нибудь с добрым лицом, но все спешат мимо с озабоченным видом.

Амалия начинает шевелиться в своем «кенгуру». Джейн покормила ее перед выходом из общежития, но это было больше двух часов назад. Ей доводилось видеть американок, открыто кормящих детей грудью на парковых скамейках, но сама она не в силах на такое решиться. Она быстро целует Ату в лоб — Джейн постеснялась бы целовать Ату таким образом, если бы та не спала; этот знак привязанности ей самой кажется странным — и отправляется искать туалет. В чистой кабинке она накрывает стульчак салфеткой, прежде чем сесть, и вынимает Амалию из переноски. Дочка готова начать сосать грудь, влажный ротик приоткрыт. Джейн глядит на нее. Глаза у малышки черные, как ночь, и занимают половину лица. Чувство нежности переполняет мать до такой степени, что становится трудно дышать. Она сует сосок в ротик Амалии, и дочь сразу принимается за работу. Поначалу случались трудности, но теперь обе знают, как это делается.

— ЭКГ диагностировала отклонение от нормы, поэтому мы назначили эхокардиограмму, — сообщает Джейн доктор. Ее сделают только через час, может, позже.

Они стоят перед койкой Аты в импровизированной палате, отгороженной зелеными занавесками, свисающими с потолка. За ними Джейн слышит испанскую речь и писк аппаратуры.

— Понятно, — говорит Джейн.

Несколько мгновений назад Ата обводила комнату бессмысленным взглядом остекленевших глаз, но теперь она настроже.

— Мне совсем не нужно дополнительное обследование, — заявляет Ата.

Ее голос слабей, чем обычно, однако звучит резко. Доктор возражает ей мягким тоном:

— Вам почти семьдесят, госпожа Арройо, и у вас высокое давление. Ваши приступы головокружения могут означать...

— Я здорова.

Поскольку доктор не знает Ату, он продолжает ее уговаривать, но Джейн сознает, что он зря теряет время.

Когда после нескольких часов «наблюдения» ее отпускают из больницы, уже наступает полночь. Медсестры пытались убедить Ату остаться, но та заявила: если они не нашли ничего угрожающего здоровью за день, для нее потраченный впустую, то она достаточно здорова, чтобы отправиться домой и отдохнуть там. Джейн отводила взгляд, когда Ата говорила это, но та, выйдя на свободу, ее заверила: я делаю им одолжение, так как не могу платить, и теперь у них есть свободная койка.

Одна из медсестер настаивает на том, чтобы довести Ату до улицы в кресле-каталке. Джейн, стыдясь недавней грубости Аты, говорит, что может отвезти свою кузину сама. Ата громко объявляет, что медсестра настаивает на кресле-каталке не из доброты, а в силу больничных правил.

— Таков *протокол*, — объясняет Ата, произнося последнее слово очень отчетливо. — Если меня повезешь ты, Джейн, я могу упасть, а потом отсудить у больницы миллион долларов.

Но, говоря это, Ата улыбается медсестре, и, к удивлению Джейн, та тепло улыбается в ответ.

На улице Джейн ловит такси, игнорируя ворчание Аты о том, что это пустая трата денег и они вполне могут добраться на метро. Медсестра помогает Ате забраться в машину. Едва та уходит, бренча пустым креслом-каталкой, как Ата начинает докучать Джейн просьбами. Впрочем, Джейн знала, что так и будет.

— Миссис Картер понадобится помощь, кому-то придется сидеть с ребенком. Ты должна меня заменить. Лишь на время. Поможешь?

Конечно, оставить Амалию, которой еще нет и месяца, Джейн не может. Но она слишком устала, чтобы спорить со своей сестрой. Уже полночь, и единственное, чего ей хочется, — это попасть домой. Она демонстративно ищет застёжку ремня безопасности, устраивая из этого настоящее шоу, и к тому времени, как пристегивается, Ата уже начинает дремать.

Мостовая неровная, на ней идут дорожные работы. Колесо такси попадает в яму, голова Аты подпрыгивает, а шея изгибается под таким углом, что кажется, будто она сломана. Стараясь не разбудить сестру, Джейн поправляет голову, бережно прижимая ее к своему плечу, пока машина продолжает пробираться по ухабам к шоссе. Амалия шевелится в своем «кенгуру», но не плачет. Сегодня она вела себя замечательно, хотя пробыла столько часов в больнице, и заплакала, лишь когда проголодалась.

Уже поздно, небо черное, до него не достает свет городских огней, и на тротуарах нет ни души. Джейн хочется спать. Она пытается заснуть, силясь закрыть глаза, но они остаются открытыми.

Еще находясь в такси, Джейн позвонила Энджел. Та сегодня не работает. Она одна из ближайших подруг Аты и теперь ждет их на крыльце их приземистого коричневатого дома. Окна всех зданий на улице темные, если не считать круглосуточного магазинчика, где Ата иногда покупает лотерейные билеты. Когда такси приближается к общежитию, Джейн видит, как Энджел бросается к краю тротуара.

— Ата, Эвелин, вот и вы! — восклицает Энджел, открывая дверь такси.

Ее голос, обычно громкий, звучит приглушенно. На лице появляется робкая улыбка, после чего она заливается слезами.

— *Накапо*¹, Энджел! Ты слишком стара, чтобы плакать!

Ата отводит протянутую руку Энджел:

— *Я в порядке.*

Но Ате с трудом удается выбраться из такси без посторонней помощи.

Джейн ждет, когда сестра выйдет из машины, а потом расплачивается с водителем. Ата была права: поездка в Элмхерст² оказалась недешевой. Джейн смотрит, как Энджел ведет Ату в общежитие, и вспоминает, что дома, на Филиппинах, Энджел работала санитаркой. Джейн посещает странное чувство, будто она видит ее в первый раз — глуповатую Энджел с вечными схемами по завлечению мужчин и постоянно меняющимся цветом волос.

Они проходят через кухню, где новая жиличка играет за столом в видеоигру на своем телефоне, мимо

¹ Накапо — эй (*тагальск.*).

² Имеется в виду округ Элмхерст в Квинсе, Нью-Йорк.

спальни, в которой три двухъярусные кровати прижаты одна к другой так плотно, что добраться до средней можно, лишь переползая через внешние, и попадают в гостиную. Там царит темнота, наполненная тихим сопением множества спящих людей. Койки, на которых спят Ата и Джейн, находятся на третьем этаже дома, но сейчас Ата слишком слаба, чтобы подниматься по лестнице. Поэтому Энджел договорилась, что Ата пока переночует на первом этаже, на диванчике, где обычно спит их подруга. Та работает няней круглые сутки шесть дней в неделю и не появится в общежитии до воскресенья.

— К тому времени ты успеешь окрепнуть, — шепчет Энджел Ате, которая отворачивается, состроив гримасу.

— Мне хочется пить, — говорит Ата, и Энджел бежит на кухню за стаканом, а Джейн развязывает Ате шнурки.

— Джейн, ты не ответила мне. Ты пойдешь к Картерам?

Джейн поднимает взгляд на сестру. Трудно не согласиться с такой старой женщиной и при этом не обидеть ее.

— Дело в Амалии. Я не могу доверять ее Билли.

После того как она произносит имя мужа, у нее во рту остается привкус кислоты.

— Я позабочусь о ней. Мне будет приятно. У меня не было времени пообщаться с Мали с тех пор, как я начала работать у Картеров. — В полумраке гостиной видно, как Ата улыбается. — Не так-то просто растить ребенка в общежитии.

Через две двухъярусные кровати от них кто-то кашляет. Кашель с мокротой, разбрызгивающий во-

круг миллиарды микробов. Джейн смотрит на Амалию, все еще спящую в «кенгуру», и поворачивается спиной к кроватям, сознавая, что микробы все равно найдут дорогу к дочери.

Всего три недели назад Джейн жила вместе с Билли и его родителями в полуподвальной квартирке на границе Вудсайда¹ и Элмхерста. Когда Джейн обнаружила, что у мужа есть подружка, о которой его братья и мать знали много месяцев, она переехала в общежитие. Амалию, которой исполнилась всего одна неделя, она забрала с собой. Койка над Атой как раз оказалась свободной. Ата внесла плату за Джейн за три месяца вперед.

Уйти от Билли оказалось непросто. Он был для нее всем. Кроме него, она ни с кем так и не познакомилась с тех пор, как приехала в Америку. Но Джейн рада, что освободилась от него, как и предвидела Ата. Она не скучает по его нескромным рукам, несвежему дыханию и по тому, как он выключал телефон, когда уходил ночью, чтобы она не могла до него дозвониться.

Здесь все тоже непросто. В общежитии всякий раз, когда Амалия обкакается, нужно отстоять очередь в ванную. И Джейн постоянно боится, что дочь скатится с узкой койки, на которой они спят вместе, хотя Амалия еще слишком мала, чтобы самостоятельно переворачиваться. Ночью, когда Амалия плачет, Джейн вынуждена искать убежища на лестнице или на кухне, чтобы не разбудить остальных. И у Джейн нет планов на будущее.

— Возможно, Черри позволит мне поспать в ее комнате. Мне все будут готовы помочь, — говорит Ата.

¹ Вудсайд — округ в Квинсе.

И это верно. В общежитии всегда кто-нибудь находится, ожидая ночной смены, отдыхая на выходных, убивая время перед новой работой. Почти все обитательницы общежития филиппинки, и большая часть из них матери, оставившие дома детей. Они обожают Амалию, единственного ребенка, которого мать отважилась взять с собой в общежитие.

На каждом из трех этажей есть по одной гостиной и по две общие спальни, вмещающие по шесть, а то и больше обитательниц. Но на каждом из верхних двух этажей имеется еще по отдельной комнате. Ту, что на третьем, снимает Черри. Она работает няней в семье, живущей в Трайбеке¹, но родом из Себу². Ее комната вмещает лишь кровать и комод, но зато там есть дверь, которую можно запереть.

Есть там и окно, на котором у Черри стоит керамический горшок с фиалками и еще несколько горшков с зеленью, которую она и ее подруги кладут в свои блюда. На стенах несколько фотографий в рамках. Визит папы римского на Филиппины — трое детей Черри улыбаются на фоне толпы богомольцев. Ее младшая внучка с ямочкой на подбородке, похожая на кинозвезду. Двое мальчиков-американцев, которых она нянчила, когда те были младенцами, теперь уже совсем большие. Они стоят на фоне отделанной бамбуком стены их большого балкона, позади них Башня Свободы³, и старший мальчик в мантии вы-

¹ Трайбека — район в Нью-Йорке, в Нижнем Манхэттене, где живут в основном художники.

² Себу — остров в центральной части Филиппин.

³ Башня Свободы — центральное здание в новом комплексе Всемирного торгового центра в Нижнем Манхэттене.